

На третьем этаже, куда можно подняться по эскалатору, царил совсем другая атмосфера, чем на нижних этажах. Большие окна, через которые проникал солнечный свет, были завешаны газетами или большими шторами, а неприятный запах и холод липли к коже. Из-за темноты пришлось достать припрятанные ранее фонарики. Я присел и стал смотреть по сторонам, а старик подошел ко мне и спросил:

— Может, там еще есть бродяги?

— Может быть, — я кивнул.

Услышав суматоху внизу, оставшиеся на третьем этаже бродяги толпой спустились вниз. Вероятно, их было больше, чем мы могли бы справиться без бутылок с зажигательной смесью, и не было никакой гарантии, что третий этаж, на котором мы находились, был пуст. Я постоял некоторое время, глядя перед собой с непонятным видом.

— Давай проверим.

"Неуверенность нас убьет", подумал я, оставив все на волю инстинктов, которыми пользовался до сих пор. Если нет пути назад, нет пути к отступлению, будем бежать вперед, как всегда делали. Мы собрали фонарики для максимальной видимости и светили ими во все стороны.

Чем дальше удалялись от эскалатора, тем сильнее становился смрад. Теперь это была сильная вонь гниющей плоти, от которой трудно дышать. Я поспешно достал тряпку и закрыл рот и нос, старик и детектив Канг тоже достали тряпки, гримасничая. По мере приближения к центру наши шаги становились все более осторожными, а к носу пришлось приложить больше тряпок.

Вскоре мы нашли источник неприятного запаха.

— Твою ма-ать... — выдохнул старик, уронив тряпку на землю.

Я не мог поверить в то, что вижу, и беспомощно опустил руку с фонариком. Рядом со мной вырвало Канга.

Груда костей.

Сколько здесь людей? Десятки? Нет, больше. Все это были кости выживших, убитых бродягами. Останки были сложены не в порядке, а разбросаны, как будто это сделало животное, от чего исходила жуткая атмосфера и леденящий холод.

Местами на костях еще сохранилась плоть, а рядом с ними виднелись явные следы ожогов. От следов зубов между мышечными волокнами и волос, еще державшихся на черепах, у меня прихватило желудок.

Чувствую неосязаемую энергию. Это злоба, ненависть и леденящая кровь несправедливость. Опустошение и гнев тех, кого разорвали на части нелюди. Молча закрываю глаза, ощущая все это на своей коже. Старик беспомощно кружил вокруг груды костей, детектив Канг тяжело дышал, пытаясь успокоиться. Вскоре рация в моих руках пискнула.

[Братан, ситуация на втором этаже улажена, мы всех спасли].

Голос Юн Пала звучал по рации громко. В его голосе слышалась гордость за то, что спас еще одну жизнь, гордость за то, что внес свой вклад в команду. Но, стоя на третьем этаже, я не мог ответить ему улыбкой. Дрожащим голосом сказал детективу и Старому:

— Найдите выживших и устраните бродяг.

Старик скрипнул зубами, услышав мой приказ, а выражение лица детектива Канга стало жестким. Они вдвоем подхватили с пола оружие и разбежались во все стороны. Вероятно, среди них нет тех, кого я ищу. Медленно протянул руку и положил ее на груды костей.

Я продолжал думать о ценности существования.

— Кто я, и что такое эти кости, и могу ли с уверенностью сказать, что отомщу за них, если убью бродяг? — спрашивал себя, тупо глядя на безответный череп.

Кто я — герой, эгоист или теперь простой мститель? Непонятные слова внутри меня бешено метались.

[Братан?]

Юн Пал, обеспокоенный моими вопросами, продолжает требовать ответов по рации. Дрожащими руками хватаю рацию и поворачиваюсь к грохочущему эскалатору, по которому несется Юн Пал. Я тихо говорю ему по рации

— Подождите там одну минуту и поднимайтесь.

[А?] — удивленно ответил Юн Пал, когда я затих.

Убавив громкость на рации, я открыл глаза и медленно поднялся с места, быстро просканировав глазами помещение. Сорвал со стены большой рекламный плакат, и убедившись, что он целый, накрыл им гору костей. Черепа и кости, от которых исходила пугающая, леденящая душу аура, мгновенно скрылись из виду, словно это был мираж.

Наверное, им было холодно. И, наверное, им было страшно. Вскоре, по истечении отведенного времени, прибежали Юн Пал и Ким Хе Чжон.

— Бро?! Ты ранен?

Я заскрипел зубами и поднялся. Ноги отяжелели, голова раскалывалась, но я быстро стряхнул с себя это привычное ощущение и поднял лежавший в стороне арбалет, заряжая его.

— Давай, Юн Пал, идем.

— Что? Есть еще выжившие?

С этим вопросом мой фонарик погас, и вокруг нас наступила темнота. Сквозь черноту я слышал крики бродяг. Старик и детектив Канг шли сквозь тьму, как демоны, и я тяжелыми шагами следовал за ними. Здесь была совсем другая атмосфера, чем снаружи.

Я тихо пробормотал:

— Вызови по рации группу охраны.

— Окей, — немного неуверенно отвечает Юн Пал, а я продолжаю:

— Скажи им, что на третьем этаже никого нет.

В этот момент вдалеке раздается крик, затем жалобный вопль, и из темноты выпрыгивает фигура. Это был бродяга, отморозок, не знающий пощады. Убегая от старика и детектива Канга, он стал судорожно бежать ко мне, со слезами и соплями на лице.

При виде его заплаканного по-человечески лица у меня автоматически сжались руки, а глазам стало больно. Поднял арбалет. Спусковой крючок уже не казался тяжелым, а лицо человека, которого я собирался убить собственными руками, уже не пугало.

Он заметил меня на бегу и остановился, с недоверием глядя то на меня, то на сверкающий арбалет. Конец жизни, конец злого дела. О чем он думает? Я нажал на курок, и он не успел сказать последнее слово.

Старик за его спиной молча закрывает покрасневшие глаза, вытирая кровь со своего меча. На мгновение все движения прекратились, их взгляды устремлены на меня. Они ждут указаний. Чувствуя на себе эти взгляды, я поднял рукав и вытер кровь со щеки. Прислушался к медленному стуку своего измученного сердца.

— Пойдемте наверх.

Весь путь по третьему этажу мы не понесли потерь и разобрались со всеми бродягами. Мы

спасли выживших и благополучно доставили их на Эдем. Еще один этаж, и все будет кончено, и мы победим, но я не чувствовал победы, только звук сердца, разорванного в клочья этим умирающим миром.

Я резко вдохнул и побежал, топая по полу. Позади меня слышалось только дыхание моих спутников и топот их ног. Через несколько минут мы добрались до эскалатора, ведущего наверх, и обнаружили группу бродяг, поспешно перегородивших нам путь.

— Не подходите, ублюдки!

Оставшиеся в гипермаркете бродяги никак не могли заметить нашего присутствия, они были по-своему решительны и злобны, их было довольно много за эскалатором, и баррикада на нем выглядела довольно прочной.

Я тихо засмеялся над острыми копьями, которые они несли, и не знаю почему, но они бурно отреагировали на мой смех.

— Если вы туда полезете, вы умрете, и мы тоже умрем, ясно? Пожалуйста, уходите!

Что за чушь. Должно быть, на последнем этаже они спрятали что-нибудь похуже горы костей, верно? Я медленно пошел вперед, а мои люди последовали следом, подняв арбалеты. Бродяги заорали пуще прежнего, а мы открыли огонь.

Гармония их криков перекликалась со звуком болтов, впивающихся в плоть. Но, несмотря на спокойное выражение лица, мне было не по себе. Пока Старый заряжал болты, он тихо, неслышно шептал остальным:

— Не пробить.

Я могу только тихонько кивнуть. Кажется, что у нас есть абсолютное преимущество в дальнем огне, но на самом деле все совсем не так. По мере того как мы медленно приближались, поняли, что баррикада, преграждающая дорогу, оказалась прочнее, чем мы думали.

На самом деле, болты попадали в баррикаду чаще, чем в бродяг. Если эта война на истощение продолжится, то в какой-то момент у нас закончатся болты, и, естественно, будет мало времени. Может, как в прошлый раз, забросать баррикады бутылками с зажигательной смесью? Нет, если баррикада загорится, мы тоже не сможем прорваться.

Может, есть какой-нибудь другой способ? Я облизнул пересохшие губы и задумчиво потопал ногой. Время шло, и нужно было быстро найти выход, но ограниченное пространство и истощение оружия заводили в тупик. Неужели все-таки придется воспользоваться пистолетом? Я сузил глаза и медленно навел руку на пистолет, ожидая. Но в этот момент услышал, как сзади меня упал арбалет.

Наши взгляды, естественно, последовали за тупым звуком, и в конце линии зрения оказался Дусик, опускающий арбалет на землю. Выражение лица Дусика было разочарованным, под ним скрывались кипящие эмоции, которые, казалось, вот-вот взорвутся, лицо покраснело, а рот застыл в гневе. Увидев неожиданное поведение брата, Юн Пал начал тревожно бормотать.

— Братишка... что случилось?

Это было очень короткое мгновение. Невинные глаза Дусика вспыхнули первобытным гневом, и старик, поймав его взгляд, быстро схватил меня за плечо, потому что здоровяк, как локомотив, бросился вперед.

— Эй!

Лица Юн Пала и детектива Канга стали удивленными, и они попытались догнать Дусика, но Старый оказался проворнее, быстро преградив им путь, освобождая Дусику дорогу. Ужаснувшись безумному поведению брата, Юн Пал посмотрел на старика с вопросительным выражением лица, но тот лишь улыбнулся, приподняв уголки рта.

Самым молчаливым человеком в нашей группе был Дусик. Если он произносил одно слово в день, то это уже было удивительно, а если случалось, что он произносил два слова, то это что-то за гранью удивления. Но, несмотря на свою молчаливость, Дусик был опорой команды, который всегда выслушивал наши истории и молча решал самые сложные задачи.

И так же, как сейчас, когда не было возможности двигаться дальше, он находил такие решения, о которых мы даже не думали. Так было и тогда, когда он ударил мутанта возле гипермаркета, и тогда, когда он напал на бродяг, убивших старичка.

А еще Старый рассказал мне, что когда Дусик злился, он говорил примерно следующее:

— А-А-А!

Это пронзительно для ушей, и слушатель чувствует слабость во всем теле. Бродяги были так же ошеломлены, как и мы, не успели среагировать, как Дусик побежал. Вскоре он оказался у баррикады.

БАХ!

Она разлетелась на куски. Некогда прочная баррикада рассыпалась, как конструктор Lego, и во все стороны полетели обломки. Бродяги остолбенели от нереального зрелища. Мы воспользовались моментом и побежали за Дусиком.